

чоре, в селениях вверх и вниз от Усть-Цильмы. Жители самой Усть-Цильмы были сплошь староверы.

Даже единоверчество, имевшее определенный успех среди печорских коми, не получило в Усть-Цилемском крае распространения. И все это — несмотря на усиленную пропаганду этой промежуточной ступени между «старой» и «новой» верой со стороны местных духовных и светских властей. Некоторое исключение составляли нерецкие деревни, заселенные по преимуществу коми. В них церковные новшества нашли сторонников, но и тут основная масса жителей придерживалась «дониконовой старины».

Небольшая нестарообрядческая часть населения края состояла из приезжих людей, представителей сельской интеллигенции и чиновничества и незначительного числа местных жителей — служащих государственных учреждений и духовных ведомств (писари, псаломщики, урядники и т. п.). Последним по роду своих занятий нельзя было придерживаться староверства. Однако некоторые из них числились «православными» только на бумаге, а на деле тайно исповедовали веру своих земляков. Благодаря этому усть-цилемские старообрядцы всегда своевременно узнавали о готовящихся против них репрессиях.

По незыблемости основ «Аввакумовой веры» (на низовой Печоре до сих пор помнят Аввакума и чтят его подвиг), ее прочности и неприкосновенности Усть-Цилемский край стоял на одном из первых мест в старообрядческом мире Царской России. Слава о «твердости» его людей распространилась далеко за пределы Печоры.

Долгой живучести старообрядчества в Усть-Цилемском крае способствовали многие причины и прежде всего беспросветная глушь, темнота, невежество, оторванность от культурных центров страны. В таких условиях старообрядчество находило благоприятную почву для своего развития и существования. И не случайно здесь укрепились его наиболее консервативная ветвь — беспоповское поморское (даниловское) согласие.

Старообрядческая идеология прочно заняла господствующее место в мышлении усть-цилемца, наложила отпечаток на весь его быт, жизненный уклад и долго и настойчиво не позволяла проникать к нему всему новому. Она держала его в кругу понятий XVII в. и своих представлений о мире. Это также сказалось и на местной письменности, которая в XVIII—XIX вв. развивалась под сильным и преобладающим воздействием догм и принципов старообрядческой идеологии.

Однако было бы ошибкой считать, что усть-цилемцы жили только в замкнутом кругу церковно-религиозных вопросов и споров об истинности вер. Неверно было бы думать, что их не привлекали и не волновали темы, выходящие за рамки старообрядчества. Как показывают собранные материалы (рукописные и записи устных рассказов), запросы их были шире того, что позволяло им их беспоповское согласие. Ведя схоластические споры о правдивости своих обрядов, усть-цилемцы, однако, не теряли интереса к окружающему их миру. Они пользовались всем, что было доступно им в этом глухом и заброшенном крае, и брали все, что доставляло какие-то эстетические наслаждения, удовлетворяло их умственные потребности и вкусы.

В крае, например, процветала богатая и разнообразная устная традиция, своей тематикой выходящая далеко за рамки старообрядческой идеологии. Здесь читались и переписывались западноевропейские переводные сборники, имели хождение лубочные картинки, нередко светского, бытового содержания. Некоторые местные книжники XVIII—XIX вв., по-видимому, не чуждались русской «мирской» литературы того времени. И сейчас в усть-цилемских селах и деревнях можно увидеть старые издания со-